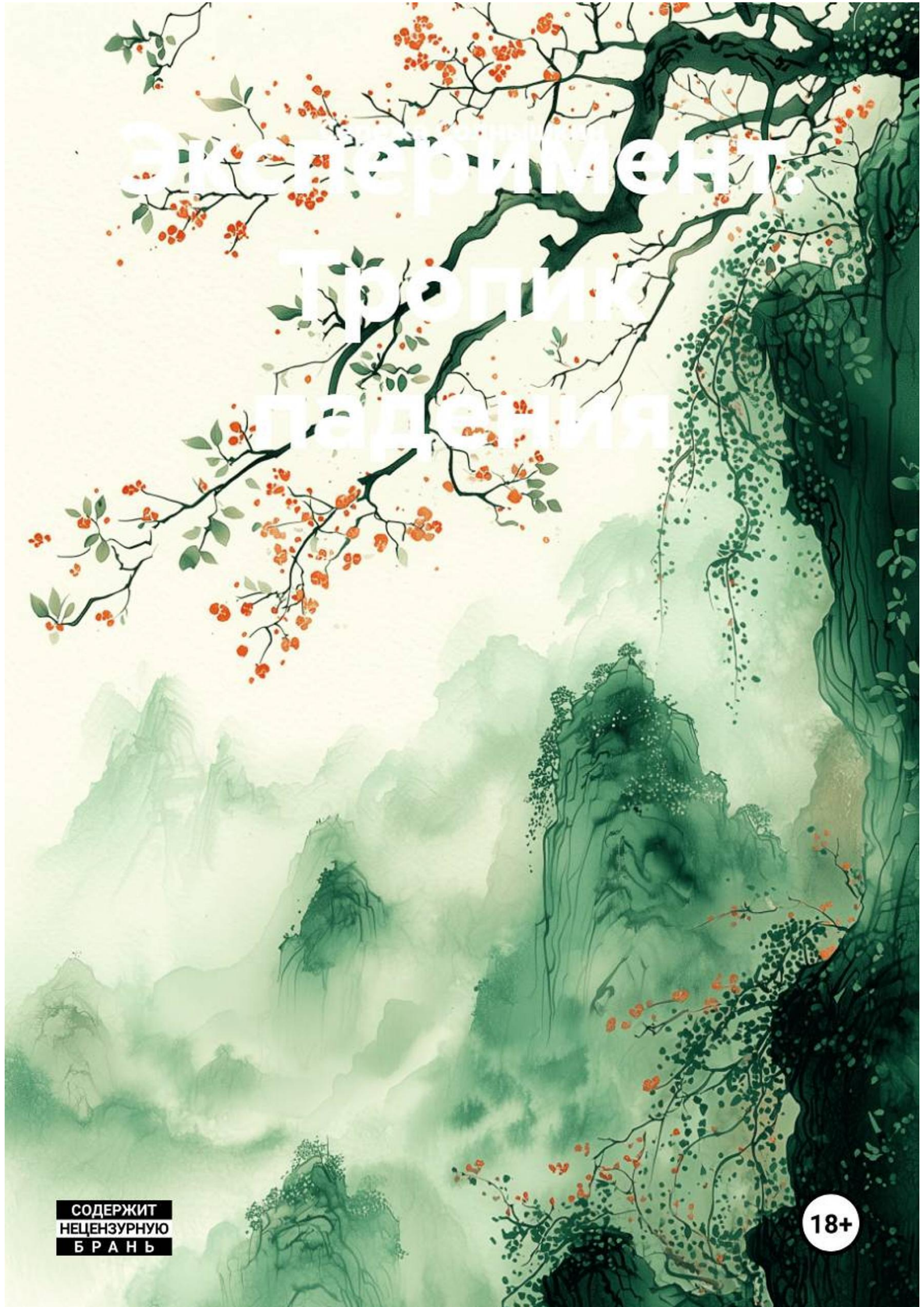

The background is a traditional Chinese ink wash painting. It depicts a misty mountain landscape with several peaks. In the foreground, a large, dark, gnarled tree trunk is visible on the right side, with branches extending towards the left. These branches are covered with small, bright red berries and green leaves. The mountains in the background are rendered in soft, hazy green and white tones, creating a sense of depth and atmosphere. The overall style is characteristic of traditional Chinese art, with a focus on natural elements and a serene, somewhat melancholic mood.

Эксперимент

Тропик падения

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Серёжа Солнышкин

Эксперимент. Тропик падения

«Автор»

2026

Солнышкин С.

Эксперимент. Тропик падения / С. Солнышкин — «Автор», 2026

Он был успешен, женат двенадцать лет и думал, что контролирует все. Когда брак превратился в привычку, он предложил жене "эксперимент"-разнообразить сексуальную жизнь ,приглашая других мужчин. Сначала одного. Потом еще. Потом - встреча вчетвером с лучшим другом и его женой. Он считал себя режиссером, богом ее желаний. Но желание нельзя контролировать. Гэнг-бэнг с пятью незнакомцами, а--л, в котором она отказывала ему двенадцать лет, порностудия и новое имя -Лера Фокс. Она нашла себя. Он потерял все. История одного падения, рассказанная без цензуры, с грязной, животной честностью. О том, как стать зрителем в собственном браке и можно ли после этого вернуться к жизни.

© Солнышкин С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Соседи	5
Глава 2. Антон	9
Глава 3. Первый	13
Глава 4. Второй, третий, четвёртый	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Сережа Солнышкин

Эксперимент. Тропик падения

Глава 1. Соседи

Вечер был из тех, что пахнут дорогими духами, которые уже выдохлись, остывшим ужином из ресторана и усталостью, которую не смоешь никаким гелем для душа за пять тысяч рублей. Я приполз с работы, швырнул галстук на стул — этот шелковый удав от Brioni, что весь день сжимал мне глотку, пока я улыбался всяким мразям в таких же дорогих костюмах. Рухнул на диван. Итальянская кожа. Ручная работа. Стоил как подержанная иномарка. Пружины взвизгнули, приняв мой вес, как старая шлюха принимает клиента — с привычной, усталой покорностью.

Телевизор бубнил. Там какой-то холёный хряк с прилизанными волосами врал про рост экономики. Я смотрел на его рот, на то, как шевелятся его жирные губы, и думал: «Вот бы туда засунуть ствол и нажать на курок. Чтобы вылетело через затылок и забрызгало всю их студию». Не потому, что я ненавидел именно его. А потому, что я ненавидел всё. Этот диван за бешеные бабки. Этот звук. Этот ноябрь за панорамным окном с видом на Москву-реку.

Лера гремела посудой на кухне. Кухня — тридцать квадратов, итальянский гарнитур, техника Miele, которую она так хотела и которой почти не пользовалась. Звук был резкий, металлический, как будто она специально била кастрюлями, чтобы сделать мне больно. Егорка, наш сын, сидел в своей комнате — двадцать пять квадратов, игровая приставка последней модели, монитор как в центре управления полётами — и резался в свою стрелялку. Оттуда доносились взрывы, крики «я его снял, я его снял!» и бесконечная автоматная дробь. Он убивал пиксельных ублюдков, а я лежал и убивал себя — медленно, глоток за глотком, мысль за мыслью.

Обои у окна. Дизайнерские, шёлкография, по триста евро за рулон. Они отходили от стены каждый грёбанный вечер чуть больше. Сначала маленький пузырь — как прыщ на роже топ-менеджера. Потом целый горб. Три года назад соседи сверху, эти скоты (тоже не бедные, тоже при бабле, но свиньи остаются свиньями), залили нас, и с тех пор обои сползали, как кожа с обожжённого тела. Я мог считать дни моего гниения по тому, насколько они отклеились за неделю. Я всё собирался их подклеить. Вызвать мастера. У меня были деньги. У меня были контакты лучших отделочников в Москве. Но я не звонил. И обои сползали. Как и всё в этом доме. Как и моя жизнь.

Мы сели жрать.

Егорка ковырял вилкой в пасте с трюфелем — Лера заказала доставку из ресторана, — и ныл, что она невкусная. Что соуса мало. Что он хотел пиццу. Я смотрел на его капризную рожу и думал: «Я тебя сделал. Моя сперма, которая стоила мне миллионов нервных клеток, превратилась в это ноющее существо. И теперь я должен кормить его, одевать в Moncler, слушать его претензии». Отцовство — это форма рабства, о которой никто не предупреждает, когда ты спускаешь женщине внутрь, думая, что это вершина близости.

Лера молча жевала. Челюсти двигались монотонно, как у коровы. Глаза смотрели в одну точку на стене, где дизайнерские обои отошли и образовали уродливый пузырь. Она тоже не жила. Она функционировала. Пережёвывала трюфельную пасту. Глотала. Запивала вином по пятнадцать тысяч за бутылку, не чувствуя вкуса. Наполняла свой организм топливом для следующего дня, который будет точной копией предыдущего. Мы были двумя биороботами, запрограммированными на совместное гниение в двухстах квадратных метрах элитной недвижимости.

Мы вообще много молчали в последнее время. Не потому, что нечего было сказать. А потому, что каждое несказанное слово копилось в животе, превращаясь в газ, в тяжесть, в тухлую отрыжку. За двенадцать лет мы накопили столько невысказанной грязи, что если бы всё это вылить разом, нас бы затопило по самую макушку. Мы научились молчать. Это единственное, чему мы научились за эти годы. Ну, ещё зарабатывать деньги. С этим проблем не было.

После ужина Егорка убежал обратно в свой виртуальный ад — убивать дальше. А мы остались вдвоём на кухне. Лера мыла посуду — хотя у нас была посудомоечная машина за двести тысяч, которая идеально справлялась сама, — и тёрла губкой одну и ту же тарелку с таким остервенением, будто хотела протереть в ней дыру. Я стоял у открытого окна и курил. Хотя бросал. Да, бросал. Как бросают старых друзей или надоевших любовниц. Врёшь себе, что всё, конец, а потом снова лезешь в пачку Davidoff, потому что без этого дыма в лёгких ты не можешь выносить себя трезвым.

Дождь моросил. Мелкий, ноябрьский, холодный, как сопля покойника. Стучал по жестяному отливу панорамного окна, и этот звук — кап-кап-кап — действовал мне на нервы, как китайская пытка. Всё действовало мне на нервы в тот вечер. То, как она тёрла тарелку — снова и снова, по кругу. То, как капал кран, который я не починил, потому что мне было насрать на этот кран за тридцать тысяч рублей, пусть течёт. То, как её спина напряглась вдруг, и она выключила воду, и сказала, не оборачиваясь:

— Мы превратились в соседей.

Я затаился так, что сигарета затрещала. Выпустил дым в тёмное небо, в эту мокрую вату над Москвой-рекой, и сделал вид, что не понял. Мы все так делаем, когда слышим правду, от которой хочется выть. Мы делаем вид, что не поняли. Особенно успешные люди. Мы мастера делать вид.

— В каком смысле?

Она повернулась. И я увидел её глаза. Не злые. Нет. Хуже. Пустые. Глаза женщины, которая двенадцать лет ждала принца, а получила успешного клерка с одышкой, портфелем активов и вечным нестоянием по выходным.

— В прямом. — Она вытерла руки о полотенце (египетский хлопок, между прочим), и в этом жесте было столько безнадёжности, что мне захотелось её ударить. Не из злобы. А чтобы встряхнуть. Чтобы в этих глазах появилось хоть что-то — боль, страх, ненависть. Всё что угодно, кроме этой грёбаной пустоты.

— Ты приходишь, жрёшь доставку из ресторана, ложишься в кровать. Иногда мы трахаемся. По графику. Первая и третья суббота месяца. Как в твоей сраной таблице Excel. Как в твоём сраном бизнес-плане.

Я открыл рот. Закрыл. Воздух вышел со свистом, как из проколотой шины моего служебного Mercedes. Потому что она была права. Абсолютно, тошнотворно права. У нас был график. Негласный, само собой сложившийся. Сначала мы ебались каждый день. Потом через день. Потом раз в неделю. Потом — по субботам, когда пацана не было дома. Это была не страсть. Это была гимнастика. Сброс напряжения. Слить сперму, чтобы яйца не ломило перед важными переговорами. Она лежала подо мной, смотрела в потолок (наверняка на тот самый пузырь на дизайнерских обоях), и ждала, когда я кончу. Я кончал. Отворачивался к стене. Спал. Утром шёл на работу. Закрывать сделки на десятки миллионов.

Я смотрел на неё и вдруг увидел — по-настоящему, как не видел уже тысячу лет. Она всё ещё была бабой. Настоящей. С тонкой шеей, на которой я когда-то оставлял засосы, как клеймо собственника. С ключицами, в ямку между которыми я зарывался носом после хорошего секса, вдыхая запах её пота, её жизни. У неё была грудь, которая выкормила нашего щенка, и которую я перестал замечать, потому что видел её каждый день. Идиот. Видеть каждый день — значит перестать видеть. Самое страшное проклятие брака. Никакие деньги от него не спасают.

Она была живой. Тёплой. Настоящей. А я жил с ней как с мебелью. Как с итальянским диваном — удобно, привычно, всегда под рукой, когда нужно разогреть ужин или согреть постель.

Господи, какой же я был тупой скот.

— И что ты предлагаешь? — спросил я голосом, который сам не узнал. Скрипучим, стариковским.

Она посмотрела на меня. И в этом взгляде было что-то, чего я тогда не разглядел. Потому что я вообще ни черта не разглядел в своей жизни. Там было ожидание. Не просьба. Не мольба. Последняя ставка. Она поставила на кон всё, что у нас было — нашу гнилую, но ещё живую любовь, — и ждала, что я сделаю ход. Просто возьму её за руку. Просто скажу: «Я здесь, я с тобой, мы прорвёмся». Но я молчал. Я, успешный переговорщик, способный убедить кого угодно подписать контракт на любых условиях, молчал, как пень.

— Я не знаю, — сказала она наконец. — Что-то. Всё что угодно. Просто... разбуди меня, Игорь. Я засыпаю.

Она бросила полотенце на стол и ушла в спальню. Её шаги — мягкие, босые — удалялись по итальянскому паркету, как звук поезда, на который ты опоздал, хотя билет был куплен заранее. Я остался на кухне. Один. С этой сраной сигаретой. С этим сраным дождём за панорамным окном.

«Разбуди меня». Как будто она спала все эти годы. Как будто мы оба спали, убаюканные бытом, счетами за коммуналку (которые я даже не смотрел, списывались с карты), родительскими собраниями и субботним сексом по расписанию. Долгий, вязкий сон в грёбаной элитной квартире.

Теперь, глядя назад, через призму виски Macallan и жёлчи, я понимаю: она не спала. Она ждала. Ждала, когда я перестану быть функцией — муж, отец, банкомат — и снова стану зверем. Тем зверем, который когда-то прижимал её к стене в подъезде хрущёвки, задира юбку и брал её, не спрашивая разрешения, пока соседи за дверью делали вид, что не слышат. Тем мужиком, который мог часами вылизывать её всю, с головы до пят, не думая о том, что завтра на работу в семь утра. Которому не нужны были ни деньги, ни статус, ни эта сраная квартира с видом на реку.

Но я не понял. Мой мозг, забитый цифрами, контрактами, этой проклятой таблицей Excel, выдал единственное решение, которое знал: проблема в недостатке разнообразия. Ей скучно. Мне скучно. Нам нужно что-то новое. Что-то острое. Как перец в пресную кашу. Как новый актив в инвестиционный портфель.

Я потушил сигарету о мраморный подоконник. Бросил бычок в раковину. Пошёл в спальню.

Лера лежала, отвернувшись к стене. Одеяло обтягивало её бедро — я видел эту линию, эту проклятую, знакомую до боли линию, которую мог бы рисовать с закрытыми глазами. Я лёг рядом. Прижался к её спине. Почувствовал тепло. Запах. Шампунь за пять тысяч, кухонный жир, что-то ещё — неуловимое, родное, от чего сжималось в паху и в груди одновременно.

Я положил руку ей на бедро. Ладонь легла, как ложка в пустую тарелку. Она не двинулась. Её тело было как дерево. Как тёплое, но мёртвое дерево. Я убрал руку.

Мы лежали в темноте. Дождь стучал. Кран капал. Соседи сверху двигали мебель — или, может, трахались, кто их знает. А мы лежали и гнили. Каждый в своей скорлупе. В одной постели, под одним одеялом, но дальше, чем если бы нас разделял океан.

Где-то там, впереди, в будущем, которое уже набухало, как гнойник, меня ждали пять мужиков с эрегированными членами. Они будут иметь мою жену во все дыры, которые я так хотел, но так и не получил. А я буду сидеть на этой самой кухне, пить виски за тридцать тысяч и считать их, как овец. Один. Второй. Третий. Четвёртый. Пятый.

Но это потом.

А пока — тишина. Темнота. Двое в постели. Трупы. Соседи по грёбаной жизни.

Глава 2. Антон

Антон был моим партнёром. Не в том дерьмовом смысле, что показывают в сериалах для домохозяек — с трупами, кейсами налички и пальбой из пистолетов. Нет. Мы просто вместе владели консалтинговой конторой. Стригли бабло с чужих бизнесов. Резали живое мясо компаний, кромсали штатные расписания, выбрасывали людей на улицу, как ненужный хлам, а потом рисовали красивые графики в PowerPoint и продавали эту туфту за бешеные деньги. Мы были хороши в этом. Чертовски хороши. У нас были тачки, от которых текли слюни у соседей. Часы, стоявшие как квартира где-нибудь в Мухосранске. И привычки. Дорогие, въедливые привычки, от которых не избавишься, даже если захочешь.

Одной из таких привычек была баня. Раз в месяц, когда мы обдирали очередного жирного клиента до костей, мы ехали в одно и то же место. Старый, вонючий, ещё советский банный комплекс на отшибе. Там не было никаких этих ваших спа с ароматическими свечками и массажем от тайских шлюх. Там был пар — до хруста в лёгких. Там был веник — до кровавых полос на спине. Там была ледяная купель, в которую ты нырял после парилки и орал благим матом, как резанный поросёнок. Там можно было забыть, что ты — «уважаемый Игорь Валерьевич, топ-менеджер с грёбаным стратегическим мышлением». Там ты был просто мужиком. Голым. Потным. Живым.

В тот вечер мы парились вдвоём. Сделка была жирная, как боров перед забоем. Крупный ритейлер, которому мы помогли «оптимизировать издержки», то есть выкинули на мороз триста рыл. Триста семей, которые теперь будут жрать макароны и ненавидеть нас до гроба. А мы сидели, довольные, как два нажравшихся кота, и нам было насрать. Бизнес есть бизнес. Либо ты жрёшь, либо жрут тебя.

После третьего захода в это пекло мы выползли в предбанник. Завернулись в простыни, мокрые от пота, и Антон достал бутылку. Виски. Односолодовый. Из Шотландии, мать его. Пахло дымом, торфом, мужским телом и чем-то ещё — тем особым запахом больших денег, который обещает не счастье, а забвение. Временное, вонючее, но забвение.

— Как Лера? — спросил Антон, разливая по второй. Его волосатая лапа сжимала стакан, и я смотрел на эту лапу и думал: вот она, рука, которая подписывает смертные приговоры фирмам, а сейчас аккуратно, как младенца, держит хрусталь.

— Нормально, — буркнул я. — А твоя?

— О, — он ухмыльнулся. И в этой ухмылке было что-то такое, от чего у меня внутри всё сжалось. Что-то сытое. Довольное. Неприличное, как отрывка после хорошего ужина. — Моя — огонь.

Я хмыкнул. Я знал его Свету. Эффектная блондинка с сиськами, которые стоили дороже моей первой машины. Лицо вечно недовольное, будто она нюхает говно, даже когда нюхает французские духи за пятьсот евро. На корпоративах она смотрела на Антона так, словно делала ему величайшее одолжение, просто находясь с ним в одной комнате. А тут — «огонь». Что за херня?

— Что значит «огонь»? — спросил я, отхлёбывая виски. Жидкость обожгла глотку, провалилась в желудок и растеклась там тёплой, приятной гнилью.

Антон откинулся на спинку скамьи. Прикрыл глаза. Улыбнулся той самой улыбкой сытого кобеля, который только что покрыл лучшую суку в округе.

— Ты когда-нибудь видел свою жену с другим мужиком?

Я поперхнулся. Виски пошло не в то горло, в глазах защипало. Я закашлялся, как последний алкаш, и уставился на него.

— В каком смысле?

— В прямом, Игорь. В самом что ни на есть прямом. — Он открыл глаза и посмотрел на меня. Серьёзно. Без тени шуток. — Когда чужой козёл имеет твою бабу. Прямо у тебя на глазах. А ты сидишь в кресле, цедишь вискарь и смотришь. Или участвуешь. Или просто знаешь, что это происходит там, за дверью, и ждёшь. И когда она приходит домой — вся пропахшая чужим потом, чужой спермой, чужим желанием, — ты берёшь её. И это... — он замолчал, подбирая слово, как выбирают оружие, — это как в первый раз. Только лучше. В сто раз лучше. Потому что ты смотришь на неё чужими глазами. Ты видишь не жену. Не хозяйку твоей чёртовой квартиры. Ты видишь самку. Которую хотят другие самцы. Которую имеют. Которая может раздвинуть ноги перед кем угодно, но возвращается. К тебе. Понимаешь, о чём я?

Я молчал. Виски вдруг перестало быть просто пойлом. Оно стало катализатором для мыслей, которые я гнал от себя все эти недели. С того самого вечера, когда Лера сказала своё проклятое: «Разбуди меня».

— Это что, свинг? — выдавил я наконец.

— Свинг, обмен, куколд, групповуха — да называй как хочешь, мать твою! — Антон махнул рукой, будто отгоняя назойливую муху. — Слова — это для ссыкунов. Для тех, кто боится называть вещи своими именами. А суть простая, Игорь. Ты даёшь своей бабе волю. И она расцветает. Она просыпается. И ты вместе с ней.

Просыпается. Вот оно. То самое слово. Лера сказала его тогда, на кухне. «Я засыпаю. Разбуди меня». И вот этот жирный, довольный котёра сидит передо мной и предлагает мне ключ. Отмычку к её пизде. К нашей, мать её, страсти.

— И давно вы?.. — я кивнул, не договаривая. В горле пересохло, хотя виски лилось рекой.

— Два года. — Антон снова разлил. Рука у него не дрожала. У него вообще ничего не дрожало, у этого ублюдка. — Начинали с малого. Просто трёп в постели. Она мне шепчет на ухо, как её дерёт какой-нибудь вымышленный хрен с горы, а я слушаю и кончаю так, что искры из глаз. Как пацан. Как в первый раз. Потом пошли в клуб. Просто посмотреть. Глазками. Потом — в одной комнате с другой парой. Мягкий обмен. А потом... — он усмехнулся, и в этой усмешке была вся его суть — сытого, уверенного в себе хищника. — Сейчас у нас свой круг. Закрытый. Только свои. Проверенные люди. Никакой швали с улицы. Никакого риска. Всё под контролем.

Под контролем. Это слово ударило меня, как обухом по голове. Я всю жизнь всё контролировал. Бизнес. Деньги. Подчинённых. Риски. Своё будущее. Почему бы не контролировать и это? Почему бы не взять под уздцы желание собственной жены? Направить его в нужное русло. Как реку. Как бизнес-процесс.

— И тебе не больно? — спросил я тихо. — Смотреть, как её... ну... как другой?

Антон посмотрел на меня. Долго. Так смотрят на новобранца, который задаёт правильные вопросы, но ещё не нюхал пороха.

— Больно, — сказал он. — В первый раз — пиздец как больно. Ты сидишь и видишь, как чужой, волосатый, потный ублюдок вставляет свой прибор в твою женщину. В ту, которую ты любишь. Которой клялся в верности. Внутри всё переворачивается, кишки скручивает в узел. Хочется вскочить, разбить ему рожу в кровь, схватить её в охапку и утащить отсюда на хер. Но ты не делаешь этого. Ты сидишь. Строишь. И знаешь что? — Он подался вперёд, и я увидел в его глазах что-то тёмное. Глубинное. Звериное. — Через минуту боль уходит. Растворяется. Остаётся только стояк. Дикий, каменный стояк, какого у тебя не было с восемнадцати лет. Ты видишь, как она стонет под ним. Как выгибается. Как кончает. И ты вдруг понимаешь: она — твоя. Не потому, что в паспорте штамп, а потому, что она выбрала тебя. Из всех этих козлов, которые могут её выебать, она возвращается в твою постель. К тебе. Разве это не высшая форма власти? Не высшая форма обладания?

Я молчал. В голове крутились его слова, мешаясь с винными парами и баннным жаром. Высшая форма обладания. Владеть женщиной, которую хотят все. Быть не просто мужем — быть богом. Вершителем. Тем, кто разрешает. Кто контролирует. К кому она приползает, липкая от чужого семени, и отдаётся с такой страстью, какой ты не видел никогда.

— А Света? — спросил я. — Она с другими тоже?

— А то! — Антон хохотнул. — Это честная игра. Она трахается с теми, кого выбирает сама. Я — с теми, кого выбираю. Иногда вместе. Иногда порознь. Но финал один: мы возвращаемся друг к другу. И секс после этого... — он закатил глаза, изображая неземное блаженство, — это просто космос, Игорь. Ты не представляешь, как заводит, когда твоя собственная жена, лёжа в твоей постели, рассказывает тебе в подробностях, как её драл какой-то мужик. Что он делал. Как она стонала. Куда он слил в неё. Ты слушаешь этот грёбаный аудиоспектакль, и у тебя член стоит так, что можно вешать пальто.

Он заржал, довольный собой, и допил виски одним глотком. Я смотрел на него. Вот он — успешный самец. Бизнес, бабло, семья. И секс — не пресная обязанность, не «давай побыстрому, пока пацан не проснулся», а настоящая охота. Дикая. Опасная. Живая.

— Попробуй, — сказал Антон, вставая. Простыня сползла, обнажив его волосатое пузо и дряблые сиськи. Но он стоял уверенно, как гладиатор. — Не обязательно сразу в клуб. Просто поговори с Леркой. Предложи пофантазировать. Расскажи, как представляешь её с другим. Посмотри на реакцию. Вдруг ей зайдёт?

Он хлопнул меня по плечу своей лапищей и пошёл обратно в парилку. Дверь хлопнула, выпустив облако горячего, влажного воздуха. Я остался один. Сидел. Допивал виски. И в

голове уже крутились картинки. Мутные, как старое порно на видеокассете. Лера. Чужие руки. Чужие губы на её шее. Чужой член — в её рту. В её пизде. А я сижу в кресле. Смотрю. Контролирую. Режиссирую этот грёбанный спектакль.

Господи, какой же я был кретин.

Я не знал тогда, что контроль — это самая большая иллюзия в мире. Что желание — это не вода в кране, которую можно открыть и закрыть по желанию. Что если ты открываешь эту дверь, её может вынести с петель. Что моя жена, которую я так хотел разбудить, проснётся — да так, что уйдёт от меня в закат с пятью жеребцами и порнорежиссёром по имени Марк.

Но это всё потом.

А пока я сидел в вонючем предбаннике, цедил дорогой виски, и в моей тупой башке уже вызревал план. Гениальный план по спасению нашего дерьмового брака. Эксперимент, который должен был вернуть нам страсть. Вернуть нам жизнь.

Эксперимент, который сожрал всё.

Глава 3. Первый

Мы выбрали его вместе.

Это было частью моего плана. Моей иллюзии контроля. Мы сидели на диване — итальянская кожа, ручная работа, — и я держал телефон, как держат гранату с выдернутой чекой. Листали анкеты в этом скотском приложении, где люди ищут не любовь, не бога, не спасение души, а просто дыру. Чужую дыру, чтобы засунуть туда свой срам и забыться на пять минут. Лера привалилась ко мне, тёплая, домашняя, её голова лежала на моём плече, и мы обсуждали кандидатов, как обсуждают новую стиральную машину. «Этот слишком молод, сопляк». «У этого рожа уголовная, глазёнки бегают, наверняка сидел». «А этот ничего, смотри, какие у него руки».

Руки. Она сказала про руки. Я запомнил это, вбил себе в башку, как гвоздь. Потом, когда всё полетело в пропасть, я прокручивал этот момент снова и снова. Вот где всё началось. Не с члена. Не с рожи. Не с того, сколько он зарабатывает. С рук. С длинных, жилистых пальцев, которые она разглядела на сраном телефоне.

Его звали Олег. Тридцать два. Разведён, как половина страны. Архитектор. Писал в анкете: «Ищу новых ощущений, открыт экспериментам». Пиздёж, конечно. Все они ищут просто мокрую щель, но оборачивают это в красивые слова. У него были тёмные патлы, небритая рожа и эти самые руки. Руки человека, который не таскал мешки с цементом. Руки, которыми водят по бумаге карандашом. Лера пялилась на его фото дольше, чем на других. Я видел. Я всё видел в тот вечер. Мой мозг, привыкший просчитывать риски, работал как проклятый. Я сканировал её лицо, её дыхание, её пальцы, теребившие край моей рубашки за триста евро. Я искал признаки: страх, брезгливость, сомнение. И не находил. Она была спокойна, как удав перед кроликом. Любопытна. И уже мокрая. Я чувствовал это нутром.

— Он, — сказала она. — Берём этого.

Но я видел, как она колеблется. Как в её глазах мелькает тень — та самая Лера, прежняя, жена, мать, которая вот-вот скажет: «Нет, Игорь, это безумие, давай остановимся». И я испугался. Испугался, что она отступит. Что наш эксперимент закончится, не начавшись. Что мы снова вернёмся к нашему пресному, выдохшемуся браку, к сексу по субботам, к молчанию за ужином. К пятнам на потолке.

И тогда я вспомнил Антона. Вспомнил, что он говорил мне в бане, обливаясь потом и ухмыляясь своей сытой ухмылкой. Вспомнил его слова — точёные, как лезвия, рассчитанные на то, чтобы прорезать любые сомнения.

— Слушай, — сказал я, беря её за руку. Моя ладонь была липкой от пота. — Антон мне кое-что объяснил. Он со Светой уже два года так живёт. И знаешь что? Он говорит, что это высшая форма обладания.

Она подняла на меня глаза. В них было любопытство. И страх. И что-то ещё — то, что я тогда принял за надежду.

— Когда ты смотришь, как её трахает другой, — продолжал я, и голос мой был ровным, как на переговорах, когда я впаривал клиенту дерьмовые условия, — тебе сначала больно. Очень больно. Ты хочешь вскочить, ударить его, схватить её и увести. Но если ты перетерпишь — боль уходит. Остаётся только возбуждение. Дикое. Первобытное. Ты видишь её чужой — и от этого она становится ещё желаннее. Понимаешь? Ты смотришь на неё чужими глазами. Ты видишь не жену, не мать, не хозяйку. Ты видишь женщину. Которую хотят. Которую берут. Которая может принадлежать кому угодно, но возвращается к тебе. Разве это не высшая форма обладания?

Лера молчала. Её пальцы сжали мою руку. Я чувствовал, как пульсирует жилка на её запястье.

— Ты правда в это веришь? — спросила она тихо.

— Антон говорит, что их брак стал только крепче, — соврал я. Или не соврал. Я уже не помнил, что из его слов было правдой, а что я додумал сам. — Света трахается с другими, он трахается с другими. Но потом они возвращаются друг к другу. И секс после этого — просто космос. Он говорит, она расцвела. Проснулась. И он вместе с ней.

«Проснулась». Это слово ударило её. Я видел. Она сама сказала мне тогда, на кухне: «Разбуди меня, Игорь. Я засыпаю». И вот я — муж, режиссёр, бог — протягивал ей ключ от её собственной клетки. Отмычку к её желанию.

— Ты хочешь этого? — спросила она.

— Я хочу, чтобы ты проснулась, — сказал я. — Я хочу, чтобы мы проснулись. Вместе.

Она смотрела на меня долго. Очень долго. Потом взяла телефон, нашла анкету Олега и нажала «Написать».

— Хорошо, — сказала она. — Давай попробуем.

Я написал ему. Ответил через пять минут. Без соплей, без грязных намёков, коротко и по делу. Договорились на субботу. Отель на отшибе. Ничья земля. Я снял номер — чистый, безликий, с большой кроватью и креслом у окна. Кресло было важно. Я уже видел себя в нём. Режиссёр в своём сраном кресле. Повелитель грёбанных душ. Тот, кто дарит свободу и контролирует процесс.

Господи, какой же я был кретин.

Суббота навалилась быстро, как приговор. Егорку спланировали к тётке — пусть старуха нянчится. Лера весь день молчала. Ходила по квартире, трогала вещи, смотрела в окно на серый ноябрь. Я тоже молчал. Мы двигались, как два приговорённых к казни, которые ещё надеются на помилование. О чём она думала? Боялась, что будет больно? Или боялась, что понравится? Я не спрашивал. Я трусил. Трусил услышать правду. Трусил, что она скажет: «Я делаю это только ради тебя». Или, хуже: «Я делаю это, потому что ты меня уговорил».

Вечером мы приехали в отель. Олег уже торчал в лобби. Один в один как на фото. Спокойный, уверенный в себе ублюдок с этими самыми руками, которые она первыми разглядела на экране. Он пожал мне руку — крепко, глядя в глаза, как мужик мужику. Не отвёл взгляд. Потом повернулся к ней. Улыбнулся. И она улыбнулась в ответ. Я увидел, как её губы дрогнули, как порозовели щёки. Она не боялась. Она текла. Текла, как сука во время течки.

Мы поднялись в номер. Бежевые стены. Белые простыни. Плотные шторы, которые я задёрнул сразу, чтобы никто не подсмотрел. Бутылка вина, которую я заказал заранее. Я разлил по бокалам. Мы выпили. Молча. Алкоголь обжёг глотку, но не согрел. Внутри был холод. Ледяной, мерзкий холод ожидания.

— Ну что, — сказал этот Олег, ставя бокал. — Поехали?

Лера посмотрела на меня. Искала разрешения. Или прощания. Или подтверждения, что всё это — не зря. Что слова Антона, которые я ей пересказал, — правда. Что она проснётся. Что мы проснёмся.

Я кивнул. Как последний дурак, я кивнул. И она пошла к нему.

Вот так просто. Подошла. Встала. Подняла голову и уставилась ему в глаза. Он положил свои грёбанные руки ей на плечи. Те самые руки. И медленно повёл вниз, до запястий. Она вздрогнула. Я видел. Видел, как кожа покрылась мурашками. Видел, как соски встали колом под тонкой тряпкой её платья.

Я плюхнулся в кресло. Моё кресло. Мой трон идиота. Мой режиссёрский пульт, с которого я собирался дирижировать этим вонючим оркестром. В бокале ещё плескалось вино. Я глотнул. Оно отдавало металлом. Или это кровь во рту от напряжения? Кто разберёт.

Он расстегнул платье. Медленно. Пуговицу за пуговицей. Как разворачивают дорогую шлюху, за которую заплачено вперёд. Платье сползло на пол лужей тряпок. Она осталась в белье. Чёрное, кружевное. Я покупал ей это на годовщину. Она почти не носила его для меня. А для этого ублюдка — надела.

Он повёл ладонями по её телу. По плечам. По спине. По бёдрам. Пальцы скользнули под резинку трусиков, оттянули, отпустили с влажным шлепком. Она вздрогнула опять. Я смотрел и чувствовал, как внутри всё скручивается в жгут. Больно. Тошно. И... сладко. Господи прости, сладко.

Чужие руки на моей бабе. На теле, которое двенадцать лет знало только мои ладони, мой язык, мой член. Родинка над левой лопаткой — я целовал её каждое сраное утро. Шрам внизу живота — там резали, чтобы вытащить нашего пацана. Грудь, которая кормила его больше года, а теперь эти сиськи мял чужой мужик. Чужой рот втягивал сосок. Чужой язык скользил по животу, ниже, к этому шраму. И я знал, что чужой конец, который пока прятался в джинсах, скоро войдёт туда, где был только я.

Олег завалил её на кровать. Она легла на спину, раскинув руки, как на кресте. И смотрела в потолок. Не на него. Не на меня. В потолок. Лицо спокойное, отрешённое. Как будто душа вылетела и парила под этим белым, крашеным небом, пока тело делало своё грязное дело.

Он содрал с неё трусики. Швырнул на пол. Развёл ей ноги. Она не сопротивлялась. Лежала и ждала. Как ждут поезда. Как ждут смерти. Он расстегнул ширинку, спустил джинсы, и я увидел его прибор. Твёрдый. Крупный. С багровой, налитой кровью головкой. Без резинки. Он даже не подумал надеть резинку. Я заметил. Заметил и промолчал. Потому что в моём сценарии не было такой строчки. Я не предусмотрел, что этот ублюдок будет драть мою жену голым членом.

Он вошёл.

Я увидел, как её тело приняло его. Легко. Впустило в себя, как родного. Она была мокрая. Она была готова. Она хотела его. Не его самого, конечно. Хотела того, что он делал. Хотела новизны. Хотела грязи. Хотела, чтобы это был не я.

Он задвигался. Медленно сначала. Потом быстрее. Глубже. Кровать заскрипела, как старая телега. Её дыхание сбилось, стало частым, собачьим. Она всё ещё пялилась в потолок, но губы уже приоткрылись, а пальцы вцепились в простыню, сминая белую ткань. Я видел, как его член входит и выходит — влажный, блестящий от её соков. Видел, как её бёдра начинают подаваться навстречу. Видел, как она закусила губу, чтобы не заорать.

И она заорала. Нет, сначала застонала. Тихо, сквозь зубы. Потом громче. А потом — в голос. Она стонала под ним, и это были не те стоны, которые я слышал последние годы. Не вежливое «да, милый, ещё». Не дежурное «кончай уже». Это был вой. Вой самки, которую дерут так, как ей надо. Которую разбудили, мать вашу. Которую я разбудил. Своими руками. Своими словами. Словами Антона.

Я сидел в своём кресле, вцепившись в бокал, и смотрел. Внутри всё полыхало. Я хотел вскочить, врезать ему по роже, схватить её в охапку и утащить отсюда. Но я не мог. Потому что вместе с яростью, вместе с болью, вместе с унижением я чувствовал, как мой собственный член стоит колом, упираясь в ширинку. Моя жена с другим. Чужая. Грязная. И от этого — в сто раз желаннее. Как и говорил Антон.

Он кончил в неё. Я видел, как его тело напряглось, как он замер на секунду, издал хриплый, животный звук и выплеснулся внутрь. Без резинки. Прямо в мою жену. Он вышел, и я увидел, как его семя течёт из неё на простыню. Белое. Густое. Чужое. Внутри моей Леры. Там, где должен быть только я.

Он встал. Натянул джинсы. Кивнул мне, как будто мы с ним партнёры по бизнесу. И вышел. Даже не попрощался с ней. Просто вышел, оставив нас вдвоём. Меня, её и лужу чужой спермы на белой гостиничной простыне.

Лера лежала, раскинув ноги. Грудь вздымалась. На лбу блестел пот. Между ног всё сочилось. Она не вытиралась. Лежала и дышала. И на её лице было то самое выражение, которое я не видел уже сто лет. Сытость. Животная, глубокая сытость. Она нажралась.

Я подошёл. Сел на край кровати. Матрас прогнулся под моим весом. Она повернула голову и посмотрела на меня. Глаза блестели.

— Ну как? — спросила она. Голос охрипший.

— Нормально, — выдавил я. — А тебе?

— Хорошо. — Она улыбнулась. И в этой улыбке было что-то новое. Что-то, от чего у меня внутри всё оборвалось. Голод. Самый настоящий, первобытный голод. — Очень хорошо. Ты был прав. Я проснулась.

Я лёг рядом. Обнял её. Прижал к себе её потное, липкое, чужое тело. От неё несло сексом. Потом. Им. Его запах был на её коже, в её волосах, между её ног. Я вдыхал его и чувствовал, как мой член снова каменеет. Я хотел её. Дико. Бешено. Взять прямо сейчас, грязную, наполненную чужим, и залить своим, перебить запах, пометить заново. Но я не сделал этого. Просто лежал и гладил её по голове, как пса.

— Знаешь, — сказала она тихо, уткнувшись мне в плечо, — я боюсь.

— Чего?

— Что мне слишком понравится. И я не смогу остановиться.

Я заржал. Обнял её крепче, вдавливая в себя. Вспомнил Антона. Его слова: «Это высшая форма обладания. Она возвращается к тебе».

— Мы всегда можем остановиться, — сказал я. — Это просто эксперимент. Мы контролируем процесс.

Она промолчала. Теперь я знаю: она уже тогда всё поняла. Поняла, что контроль — это дерьмо. Что желание — не кран на кухне. Что если открыть эту вонючую дверь, её может вынести к чертям собачьим вместе с петлями.

Но я не услышал. Я был слишком занят собой. Своим стояком. Своим экспериментом. Своей иллюзией, что я — бог. Своими словами, которые я украл у Антона и выдал за свои.

Мы лежали в гостиничном номере, на простыне с чужим пятном, и я думал, что всё идёт по плану. Что я — режиссёр. Что я — хозяин. Что Антон был прав.

Господи, какой же я был дурак.

Глава 4. Второй, третий, четвёртый

После первого раза всё поехало. Не сразу. Сначала я думал — эксперимент закончен. Неделя, другая. Я, как последний кретин, надеялся, что мы вернёмся в нашу тёплую, пресную лужу. К сексу по субботам. К молчанию за ужином.

Ошибался.

Лера изменилась. Снаружи — та же баба. Те же волосы, та же задница. Но внутри что-то проснулось. Та тварь, что дремала двенадцать лет, вылезла наружу и жрала. Всё подряд. Члены. Пальцы. Языки. Взгляды чужих мужиков в метро.

Она стала другой в койке. Даже когда мы были одни. Больше не лежала бревном. Вертелась, стонала, смотрела мне в зрачки и шипела такое, от чего у меня плавился мозг:

- Выеби меня, как он выебал.
- Возьми сзади, как шлюху с трассы.
- Представь, что ты не ты. Что ты просто мужик с улицы.

Я слушал это дерьмо и спускал с воем, с дрожью, с искрами из глаз. Мы трахались каждый день. Ждали, пока пацан уложится. Запирали дверь спальни. Рвали одежду. Я входил в неё, а она уже была мокрая — не от меня, от мыслей о них. Я знал это. Чувствовал. И спускал ещё сильнее.

Но ей было мало.

Через две недели она сказала:

- Я нашла ещё одного.

Я сидел на кухне, хлебал остывший кофе. Поднял голову. Она стояла в дверях — в моей старой футболке, волосы дыбом, глаза спокойные, как у акулы.

- Кирилл. Двадцать пять. Би.

Би. Это слово застряло у меня в башке, как гвоздь. Ему всё равно, кого трахать. Бабу, мужика, дырку в заборе. Молодая, наглая, ненасытная машина.

- Когда? — спросил я. Голос был ровным — слишком ровным.

- Завтра. Я номер сняла.

Я хотел сказать «нет». Хотел сказать «хватит». Но член уже напрягся, и я промолчал. Потому что врать себе я разучился. Мне нужно было это видеть. Мне нужно было это чувствовать. И она знала.

Гостиница на окраине. Бежевые стены — на одной след от подошвы, на другой чьё-то давнее пятно. Ковролин пружинит под ногами, каждый шаг оставляет след. Пахнет хлоркой — и под ней сладкая, приторная вонь чужого пота, чужой смазки, которую не выветрить никакой уборкой.

— Уютненко, — сказал я. Лера не ответила. Она поправляла бельё перед зеркалом. Красное, кружевное. Я его не видел. Купила сама. Для него.

— Ты чего? — спросила она, поймав мой взгляд.

— Ничего. Смотрю.

— Ревнуешь?

Я усмехнулся. Ревность? Нет. Ревность — это когда боишься потерять. А я уже потерял. Я просто наблюдал, как тонет то, что когда-то было моим. И не мог оторваться.

— Не ревную, — сказал я. — Смотрю, и всё.

Она пожала плечами и отвернулась к окну.

Кирилл пришёл ровно в восемь. Поджарый. Наглая ухмылка. Пожал руку — крепко, сухо, глядя в глаза. Оценивал. Лера вышла из ванной. Он даже не поздоровался. Просто смотрел на неё как на еду. Член натянул джинсы ещё до того, как она подошла.

Они не стали говорить. Зачем? Всё и так ясно.

Он прижал её к стене — той самой, с чьим-то пятном. Задрал платье, спустил трусики. Она упёрлась ладонями в стену, выгнула спину. Я сидел в дерматиновом кресле — дешёвом, с торчащей пружиной, которая впивалась в задницу. Сидел ровно, руки на коленях, как на собеседовании. А внутри всё дрожало.

Он взял её одним движением — резко, по-хозяйски. Она вскрикнула — не от боли, от неожиданности. А потом застонала. Низко. Утробно.

Он вколачивался, как отбойный молоток. Его задница — поджарая, спортивная — сжималась и разжималась при каждом толчке. Я смотрел и чувствовал, как член упирается в ширинку. Ныл. Требовал выхода. Но я не мог даже пошевелиться — боялся, что они увидят мой стояк и поймут: мне это нравится. Мне, сука, это нравилось.

— Нравится смотреть? — спросил Кирилл, не сбавляя ритма.

— Что?

— Спрашиваю — нравится? Или завидуешь?

Я не ответил. А что я мог сказать? «Да, нравится»? «Нет, хочу тебя убить»? И то и другое было правдой. И то и другое было ложью.

Лера повернула голову ко мне — мутно, пьяно, с прикушенной губой.

— Игорь... подойди.

— Зачем?

— Хочу, чтобы ты был ближе.

Я встал. Не помню зачем. Ноги сами подняли. Подошёл к кровати — встал так близко, что мог коснуться её спины. Она не смотрела на меня. Она смотрела на него. На его член, который входил в неё и выходил — блестящий, мокрый.

— Поцелуй меня, — сказала она хрипло. — Пока он...

Я наклонился. Её губы были горячие, солёные от пота. Она дышала мне в рот, и каждый выдох был стоном. Я чувствовал его — его запах, его ритм, его присутствие за моей спиной. Мой член давил на ширинку так, что казалось — сейчас порвёт ткань.

— А теперь иди обратно, — прошептала она. — Садись. Смотри.

Я вернулся в кресло. Пружина снова впилась в задницу. Я сидел и смотрел, как чужой мужик трахает мою жену. И не понимал, что я чувствую. Боль? Да. Унижение? Да. Возбуждение? Блядь, да. Всё вместе. Одновременно. Так, что голова шла кругом.

Потом Кирилл повернул ко мне потную морду:

— Слушай, хозяин, а давай я тебя в жопу выебу? Пока твоя жена у тебя же отсосёт. Семейный подряд. Все при деле.

Я замер. Лера тоже замерла под ним — только на секунду. А потом снова задвигалась. Даже быстрее.

— Игорь, — прошептала она. — Иди сюда... я хочу... чтобы ты смотрел мне в глаза... пока я беру у тебя в рот... а он...

— Заткнись, — сказал я. Голос был чужим. Деревянным. — Заткнись, Лера.

Она замолчала. Но не потому, что испугалась. А потому, что услышала в моём голосе то, что хотела услышать. Боль. Ярость. Слабость. Всё вместе.

— Нет, — сказал я тихо. — Я пас.

Кирилл пожал плечами:

— Как знаешь, хозяин. Теряешь шоу.

И продолжил долбить.

Игорю показалось, что это даже не человек. Голожопая горила с рыком засадила в неё, сотрясаясь всем телом. Запрокинула башку и заорала матом — неистово, с кабаньим надрывом. Кончила с судорогой, с тряской. Семя потекло на простыню. Белое, густое, на казённом белье. Потом села на край кровати, потянулась за сигаретами. А потом Игорь моргнул — и снова увидел обычного парня Кирилла, усталого, курящего у окна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.